

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
РУССКОГО ФИЗИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

ЖУРНАЛ
РУССКОГО ФИЗИКО–ХИМИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА:

ЖРФХО,

Том 90, Выпуск № 1

Перезапушен под этим именем в 2015 году

Продолжение научного журнала ЖРФХО
РУССКОГО ФИЗИКО–ХИМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА, 1872–1930,
возобновивших свою общественную, научную
и издательскую деятельность в России
16 апреля 1991 г.

Публикует:

- наиболее актуальные, полезные, оригинальные работы соотечественников по всем отраслям естествознания;
- письма читателей и научные статьи, программы и методики, рекламу, технические предложения, анализ, обзор, прогноз;
- энергетика, экология, охрана здоровья, сельское хозяйство, промышленность, техника, технология, экономика, наука.

*Не чины и звания, ни возраст и профессия авторов,
а степень общественной пользы и оригинальность их мысли –
единственный критерий отбора работ для публикации*

Приоритетная защита всех публикуемых материалов. Предназначен для всех, кому не безразличны современные земные проблемы, кто ищет конкретное поле деятельности для эффективного приложения своих интеллектуальных способностей.

ДЕВИЗ ЖУРНАЛА:

«Новое искание Истин – только это и есть Наука»

Д.И. Менделеев

**ВЫСТУПЛЕНИЕ ДОКТОРА ДЖЕФРИ ШАЛЕРА НА 41-Й
ЕЖЕГОДНОЙ ВСТРЕЧЕ ГРАЖДАНСКОЙ КОМИССИИ ПО
ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА**

(27 февраля 2010 года. Лос-Анджелес, США)

[выступление доктора Джеффри Шалера на 41-й ежегодной встрече Гражданской комиссии по правам человека](#)

Дамы и господа! Прошло 50 лет с тех пор, как **Томас Сас** пошатнул мир психиатрии своей работой *«Миф душевной болезни: основы теории личного поведения»*. Его труды продолжают оказывать глубокое влияние на то, как мы сегодня думаем о болезни, поведении, справедливости, свободе, ответственности, и самое важное – о том, что значит быть человеком. Сас показал нам, как идея психической болезни используется государством для того, чтобы лишать невиновных людей – свободы, а виновных – правосудия. Без участия государства, медиализация поведения не значила бы ничего.

Он показал нам, как идея психической болезни выступает в качестве правовой фикции в рамках нашей правовой системы. В этом смысле идея психического заболевания сегодня действует так

же, как некогда – идея о том, что африкано-американские рабы составляют три пятых личности человека. Сегодня в качестве трёх пятых личности рассматривается индивид, объявленный душевнобольным. Это происходит так, как если бы в «Билле о правах» было примечание: *«P. S. Только для психически здоровых людей»*. Суды сегодня не позволяют отвергнуть идею душевной болезни точно так же, как в своё время они не позволяли отвергнуть идею о том, что личность раба составляет три пятых личности человека. Сегодня душевная болезнь в качестве правовой фикции поддерживает психиатрическое рабство.

Диагнозы психических заболеваний имеют куда большее отношение к политике и научной фантастике, чем к медицине и науке. В качестве примера, рассмотрим идею о том, что люди с гомосексуальной ориентацией – душевнобольные. Эта категория была исключена из «Руководства по диагностике и статистике [психических расстройств]» – нашего современного «*Malleus Maleficarum*» («Молота ведьм») – точно таким же образом, как и была включена туда, по причинам политическим, а не научным. Никто не открывал, что гомосексуализм – это заболевание, и никто затем не доказывал, что он заболеванием не является. В каждом случае его объявляли таковым, и происходило это в результате политического давления.

Спустя два года после первой публикации «Мифа душевной болезни» Сас выпустил вторую книгу, оказавшую столь же глубокое воздействие на понятия «свобода» и «ответственность». В «Законе, свободе и психиатрии» он предсказал следующее: *«Хотя мы, возможно, и не осознаем этого, мы становимся свидетелями зарождения Терапевтического государства. Пожалуй, это основное применение психиатрии в качестве учреждения социального контроля»*.

Томас Сас написал это в 1963 году.

Сегодня мы уже живём в таком терапевтическом государстве.

Моральное суждение маскируется в нём под медицину.

Государство диктует обязанность «быть здоровым».

Семьдесят лет тому назад другое государство, нацистская Германия, диктовало «долг быть здоровым». В те времена убийства были замаскированы под медицину. Вы все знаете, на что я ссылаюсь. Нам не требуется синоптик, чтобы понять, откуда дует ветер.

Сегодня хорошие практики в отношении здоровья стали социальным долгом. Плохие практики в отношении здоровья рассматриваются как социально безответственное поведение.

Когда здоровье и болезнь применяются к разуму и поведению, это означает, что люди обязаны думать, говорить и поступать «правильным образом». Иначе они могут оказаться в тюрьме, именуемой психиатрическим учреждением.

Я – один из немногих преподавателей колледжа в США, если не во всём мире, которые на постоянной основе преподают идеи Томаса Саса. И на каждом курсе студенты говорят мне две вещи: *"Эти данные от Саса меняют мою жизнь"*. И ещё: *"Почему никто не преподавал мне этого до сих пор?"* Потому, что профессоров наказывают за преподавание идей Томаса Саса; они могут расстаться с работой, если будут это делать. Я знаю потому, что сам пережил это. Если Вы прочтёте мою книгу «Сас под огнём», то увидите, как то же самое едва не случилось с Томасом Сасом. Он сам оказался на волосок от запрета на работу за преподавание Томаса Саса!

«Миф душевной болезни» и последовавшая за ним «Закон, свобода и психиатрия» – книги не настолько незамысловатые, чтобы отрицать существование поведения, которое мешает людям. Напротив, работы Саса проясняют различие между поведением и заболеванием, описанием и объяснениями поведения, а также последствия того, что поведение объявляют заболеванием, которые имеют место в сферах закона, медицины, социальной и государственной политики.

Сас просто указал на то, что патологи знали всегда: заболевание описывает клеточную патологию. Точка. Поведение быть заболеванием не может. Кроме этого, он без конца отстаивал права людей, объявленных психически больными. 15 апреля ему

исполнится девяносто лет. И он по-прежнему пишет книги, одну за другой. Он пишет их быстрее, чем я успеваю их прочитать!

Он также показал нам, что поведение имеет стратегический характер, выступая в качестве выражения того, что философы называют моральной способностью. Нынешние исследователи нейронаук, психиатры и клинические психологи пытаются низвести человека до категории предметов. Они отрицают существование моральной способности. Позвольте мне привести простой пример тому, как это происходит.

Устоявшееся суждение, в особенности в том виде, как оно проявляется в СМИ, побуждает людей верить в то, что мозг вызывает поведение, как если бы мозг был способен совершать поступки. Психиатры а также исследователи нейронаук, которым они пытаются подражать, рассматривают человека как машину, как невероятно сложную машину, но, тем не менее, – машину. Всё, что является человеком, сводится в конечном счёте к электрическим и химическим взаимодействиям.

Дело обстоит подобным образом в особенности тогда, когда речь заходит о социально неприемлемом, ненормальном, причиняющем проблемы или преступном поведении. Утверждают, что больной мозг вызывает плохое поведение. Больные мозги, в этом смысле, означают проблемы в структуре и функционировании мозга.

Что ж, если больной мозг вызывает плохое поведение, из этого следует, что здоровый мозг должен вызывать хорошее поведение. Иными словами, мозги, которые работают правильно, мозги, здоровые структурно и функционально, вызывают хорошие и вызывающие восхищение проявления поведения.

Пока психиатры пытаются извинить плохие виды поведения, возлагая в конечном итоге вину на плохой мозг, они незаметно (и возможно, намеренно) устраняют личную ответственность за те достойные действия, которые люди совершают. Когда кто-то совершает героический поступок, к примеру, проявляет мужество, сострадание или заботу о других ценой большой личной жертвы и со значительным риском или опасностью, то человек не выбирал

того действия, сделать которое было очевидно важным. Согласно такой линии суждения, мозг понуждает человека делать это достойное действие, в том же самом смысле, в котором больной мозг побуждает кого-то истреблять ближних. Нет нужды отдавать должное чьему-то альтруизму, героизму или мужеству, ведь его мозги вынудили его к этому. Некоторые психиатры уравнивают поведение человека с припадочной активностью: алкоголик, стремящийся выпить сколько у него получится, имеет нечто вроде эпилептического припадка. Точно также и мать, жертвующая жизнью ради жизни ребёнка. Если дело обстоит таким образом, то что же остаётся от личности? Что остаётся от человека, если мозги вызывают плохое и хорошее поведение? Что обозначено местоимением «я»? Что остаётся от моральной способности? – Ничего.

С такой точки зрения, люди низведены до категории предметов. А предметы не делают выбор, они подчиняются воздействиям извне. Предметы не живые. Предметы не чувствуют. Предметы не имеют ни сознания, ни ценностей, ни морали, ни этики. И, самое важное, – предметы не заботятся ни о себе, ни о других.

Таково сегодняшнее наследие психиатрии и нейронаук, когда речь заходит о поиске биологических объяснений поведению. Разум уравнивается с мозгом, добро – со злом, мораль – с медициной, а этика – с механикой.

Иными словами, души нет. То, что мы считали уникальной человеческой личностью, разрушено психиатрией и нейронауками.

Как это влияет на закон? Через очень простое уравнение. Свобода и ответственность – это две стороны одной медали. Если мы увеличили одну, то увеличили и другую. Если мы уменьшили одну, то уменьшим и другую. Чем свободнее человек, тем ответственнее ему предстоит быть. Чем ответственнее человек, тем более он – капитан своего корабля.

Верование, которого от нас добивается институциональная психиатрия в качестве ветви власти, таково: чем больше мы уменьшаем ответственность, тем больше становится свободы. Иными словами, чем больше вы позволяете нам отвечать за вашу жизнь, чем больше вы отказываетесь от ответственности, чем больше вы принимаете патернализм, который, как мы утверждаем,

для вас хорош и полезен, тем свободнее вы будете. Поскольку послушание власти – величайшая политическая добродетель.

Что, в таком случае, нам остаётся делать? Сас сделал свою работу. В чём состоит наша? Я считаю, что наша работа такова: вывести психиатрию из залов суда. Нам не нужно разрушать психиатрию. Она сама себя разрушит, если перерезать незримую пуповину, связывающую её с матерью-государством. Как только психиатрия станет доступна людям по свободному выбору, она отомрёт естественной смертью. Немногие люди пожелают обращаться к психиатру, которого они не могут нанимать и увольнять самостоятельно.

Психиатры знают об этом. Вот почему они так боятся Томаса Саса.

И вот почему они так боятся тех, кто понимает всё то, о чём я говорю здесь. В каждом семестре я советую своим студентам: «Не верьте ни единому моему слову. Обдумайте услышанное и придите к своему собственному заключению». Такого рода независимость и автономия пугают институциональных психиатров и тех, кто существует за счёт правления терапевтическим государством. Так это и должно быть.

Джефри Шалер, – психолог, преподаватель права и обществоведения в Американском университете в Вашингтоне, округ Колумбия.

<https://cchr-rus.livejournal.com/5955.html>

Нина Лягушенко А вот "главный психиатр России" Зураб Кекелидзе утверждает (!) (из новостей по "Дорожному радио"), что "болезню N 1" в списке самых распространённых заболеваний в России к 2020 году станет именно ДЕПРЕССИЯ. Что-то замышляют эти психиатры?

